

25 ЛЕТ

МАТЕРИАЛИЗМА
И
ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМА

НАРТУБДАТ 1034

34-4
1440 а

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В

25 лет
„Материализма
и
эмпириокритицизма“

Сборник статей

Г.П.Б., в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 670

Инв. №

ЛЕНИН И ПЛЕХАНОВ КАК КРИТИКИ МАХИЗМА

Махистское поветрие, пронесшееся в эпоху реакции после поражения революции 1905 г. в России, было тесно переплетено с фракционной борьбой той эпохи внутри РСДРП. В качестве махистов выступили Богданов, Базаров и другие теоретики впередовства, идеологи мелкобуржуазного радикализма, состоявшие до определенного этапа членами большевистского крыла партии. В качестве махистов выступили меньшевистские философы—П. Юшкевич и Валентинов. Против махизма со стороны большевиков выступил Ленин, своей работой „Материализм и эмпириокритицизм“ вогнавший основной кол в реакционно-идеалистическое философское здание Богданова—Юшкевича. Со стороны меньшевиков против махизма выступил в то время Плеханов и его ученики—Деборин и Л. Аксельрод-Ортодокс.

Махизм, эта философия реакционного мещанства, стал в то время в России философским знаменем для отпавших от революции кругов мелкобуржуазной интеллигенции. Совершенно закономерно в качестве махистов выступали меньшевики—П. Юшкевич и Валентинов.

Богданов, Базаров через махизм пришли к тому, что выпали из большевистской тележки, скатились к меньшевизму. Буржуазно-реакционный махизм, вместе с неокантианством, был и в известной мере сейчас является официальной философией II Интернационала. Несмотря на это, со стороны меньшевистских критиков махизма делались систематические попытки путем извращения классового существа и большевизма и махизма представить последний как специфическую философию большевиков.

Сравнительная характеристика ленинских большевистских методов борьбы с махизмом и тех методов, при помощи которых боролись с махистами меньшевики, в частности Плеханов, в высшей степени полезна. Она вскрывает все различие подхода к махизму у Ленина и меньшевиков. Она дает точный ответ на вопрос: чья критика махизма была более действенной, крепче и глубже была по махизму, чья критика, грома махизм, вместе с тем двигала далее на новую и более высокую ступень философию диалектического материализма.

* * *

Основные черты своих методов критики махизма указывает сам Ленин в „Заключении“ книги „Материализм и эмпириокритицизм“¹. Марксист, говорит Ленин, должен с четырех точек зрения подходить к оценке махизма. Прежде всего надо сравнить теоретические основы махизма с диалектическим материализмом, надо дать критику всех положений махизма с точки зрения философского учения Маркса и Энгельса. Во-вторых, надо вскрыть историко-философские корни махизма. В-третьих, надо вскрыть питающие махизм источники в современной науке, особенно в естествознании. В-четвертых, надо вскрыть классовые, партийные корни и тенденции махизма.

Сравнительная характеристика махизма и диалектического материализма и одновременно развернутая критика теории познания махизма осуществляется Лениным в первых трех главах его книги. Все эти три главы носят одно название: „Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма“. „Задача настоящих беглых заметок показать реакционность махизма и правильность материализма Маркса и Энгельса“²—так Ленин формулирует задачу первых трех глав своей книги.

Последовательно, шаг за шагом, по всем основным теоретико-познавательным вопросам Ленин показывает правильность, соответствие с объективной действительностью и всем научным опытом человечества, материалистическую последовательность и цельность, революционность *диалектического материализма* и, напротив, ложность, вопиющее противоречие не только с данными науки, но и с опытом всех здоровых, не искушенных в идеалистической философии и не побывавших в сумасшедшем доме людей, полнейшую внутреннюю противоречивость и непоследовательность, эклектичность, сплошную реакционность *махизма*.

Материализм рассматривает ощущение, сознание, мышление как вторичное, как свойство высших форм материи. Махизм идеалистически принимает ощущение за первичное, а тела рассматривает как комплексы ощущений.

Материализм рассматривает объективный мир как первичное по отношению к субъекту. Махизм строит теорию познания на идеалистической посылке неразрывной связи субъекта и объекта. Материализм утверждает, что физический мир существует независимо и до всякого психического, что последнее есть функция мозга. Махисты строят идеалистическую „безмозглую“ психологию, сводя физическое к психическим „элементам“. Материализм, принимая существование вне человеческого сознания и независимо от его внешнего материального мира, отбрасывает неудовимую и непознаваемую кантовскую вещь в себе, учит о том, что человеческое познание принципиально неограничено, что ощущение служит непосредственной

связью сознания с внешним миром и что нет решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе. Махисты сначала идеалистически отрицают существование вещей в себе, а потом, пытаясь выбраться из солипсизма, прибегают к юмистскому, агностическому проведению принципиальной границы между познанием и объективным миром, софистически рассматривают ощущение как перегородку, отделяющую сознание от внешнего мира. Материализм утверждает существование объективной истины, махисты же как субъективисты и агностики отрицают ее. Материализм признает наличие в относительном человеческом познании абсолютной истины, махизм же сводит теорию познания к релятивизму. Материализм кладет в основу теории познания критерий практики, махизм же разрывает теорию и практику. Для Маха, говорит Ленин, „практика—одно, а теория познания—совсем другое; их можно поставить рядом, не обуславливая первым второго“¹. Материализм утверждает объективность причинной связи, махизм же субъективистски отрицает причинную связь, подменяя ее функциональной связью как средством описания. „В самой основе своей учение Маха и Авенариуса о причинности есть идеалистическая лож“²,—говорит Ленин. То же самое и в учении о пространстве и времени: материализм утверждает их объективность, махизм же реакционно-идеалистически истолковывает их как „упорядоченные системы рядов ощущений“.

Общий ленинский вывод из сравнения махизма и диалектического материализма гласит, что „исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма есть субъективный идеализм“³, что основной ошибкой Маха является солипсизм, к которому неизбежно приводит его субъективный идеализм, что, пытаясь выбраться из солипсизма, Мах становится на почву агностицизма, обрекающего его на жалкие и половинчатые уступки материализму, но в общем и целом также окрашенные в берклезанские тона. Материализм и махизм—два непримиримых, враждебных, противоположных друг другу философских лагеря.

Подобно неокантианству, соединявшему этику и теорию познания Канта с историческим материализмом Маркса, Богданов и русские махисты пытались учение Маха таким же образом соединить с общественной теорией Маркса. Ленин говорит, что только при абсолютном невежестве относительно учения Маркса можно толковать о его „соединении“ с учением Маха. Цельное и стройное, вылитое из одного куска стали, всецело материалистическое учение Маркса не может иметь ничего общего с реакционным идеализмом Маха. Оно может и должно вести против махизма решительную и резкую борьбу. Мы „отвергаем с порога все основы их философии“⁴,—дважды повторяет Ленин.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 113—114.

² Там же, стр. 134.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 265.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 291.

² Там же, стр. 80—81.

* * *

Ленин делает замечание по адресу Плеханова, что последний „критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь „а limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий“¹. Ленин подчеркивает методологическую важность для историко-философской критики этого своего замечания, когда тут же на полях тетради добавляет: „к вопросу о критике современного кантианства, махизма и т. п.“.

Величайшим недостатком плехановской критики махизма и неокантианства является собственно не то, что эта критика с порога отбрасывает, т. е. разгромляет, уничтожает махистские и неокантианские принципы. Гегель, критикуя Канта, и Ленин, критикуя махистов, делают по отношению к ним то же самое. Но Гегель, опровергая Канта, тут же противопоставляет ему и развивает свою более правильную, более последовательную научную и прогрессивную точку зрения. Опровергая требование Канта исследовать способность познания раньше, чем приступить к познанию, Гегель тут же развивает идею о необходимости соединения деятельности форм мышления и их критики, поскольку „нельзя научиться плавать, не прыгнув в воду“². Опровергая непознаваемую вещь в себе Канта, Гегель тут же отстаивает и развивает учение о познаваемости всего сущего. Опровергая кантово ограниченное диалектики сферой разума, Гегель тут же развивает мысль, что противоречие имеется „во всех предметах всякого рода, во всех представлениях, понятиях и идеях“³ и т. д. Гегель не только опровергает Канта и не только взамен точки зрения Канта утверждает свою, но и подчеркивает то положительное, прогрессивное, что было впервые сказано, но недоразвито, недоделано Кантом. Гегель например находит верную мысль в кантовом требовании сделать предметом познания сами же формы мышления. Мысль о противоречивости разумного у Канта Гегель рассматривает как один из важнейших успехов философии нового времени. Кант представляет собою прогрессивную веху в истории философии. Не то неокантианцы и махисты, жалкие эпигоны, воскрешающие труп давно опровергнутых философских учений, крохоборы-эклетики, разбавляющие крошкой из разных учений гениально стройные и последовательные учения классиков идеализма. Вряд ли от Плеханова нужно требовать, чтобы он отмечал положительное и прогрессивное у неокантианцев и у махистов. Ленин этого и не требует от Плеханова и наоборот сам решительно подчеркивает, что махизм является сплошной идеалистической ложью и сплошной реакцией по всей линии. Плеханов ведет борьбу против неокантианства и махизма в общем с точки зрения диалектического материализма. Отвергая с

¹ „Ленинский сборник“ IX, стр. 197.

² См. Гегель, т. V, стр. 85.

³ Там же, стр. 97.

порога неокантианские и махистские положения, Плеханов однако в значительной мере *ограничивается* этим. Критикуя неокантианство и махизм и излагая точку зрения диалектического материализма, Плеханов не развивает ее дальше, глубже соответственно новым данным науки и новому опыту классовой борьбы пролетариата. Это характерная черта работ Плеханова. Что же касается Деборина и Аксельрод, то они там, где надо было в противовес махизму развернуть диалектико-материалистическое понимание вопроса, ограничивались приведением соответствующих цитат из „Анти-Дюринга“, из Фейербаха, из французских материалистов XVIII в., истолковывая их при этом неправильно.

Отвергая с порога все основы махизма, Ленин, ссылаясь постоянно на работы Маркса и Энгельса, не ограничивается этим, но развивает дальше, поднимая на новую и более высокую ступень, диалектический материализм. *Развивать* материализм, *двигать вперед* материалистическое направление в философии, *не топтаться на повторении* уже решенных гносеологических вопросов, *идти вперед* по резкому определенному философскому пути, *развивать* метод Маркса и Энгельса, а не цепляться за ту или иную букву у них, сохраняя *суть* их материализма, подвергать ревизии *форму* этого материализма, приводя ее в соответствие с развивающейся наукой, — таковы ленинские требования по отношению к диалектико-материалистическому философскому исследованию. Иначе говоря, Ленин в отличие от Плеханова проводит глубоко-материалистический историзм в своей критике махизма. Эти требования Ленин целиком выполняет в „Материализме и эмпириокритицизме“, который является поэтому неисчерпаемым источником для разработки ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

* * *

Характеризуя свои методы подхода к махизму, Ленин, „во-первых, и прежде всего“ предлагает опровергнуть махизм с точки зрения диалектического материализма, т. е. с другой, правильной, научной, революционной, последовательно враждебной всякому фидеизму марксистской точки зрения. Надо разбить махизм извне, т. е. своим оружием, доказав тем самым его превосходство и негодность доводов врага. Эта критика махизма *извне*, с позиций диалектического материализма, сражая махизм, тем самым прекрасно доказывает *внутреннюю* несостоятельность, непрочность, негодность махизма, который тотчас же падает под ударами железной логики диалектического материализма.

Меньшевистствующими идеалистами усиленно пропагандировался пной, *имманентно-логический* способ философской критики. Сущность этого способа хорошо выразил Юриец, под флагом марксизма протаскивавший буржуазно-идеалистическую философию в своей критике неогегельянца Либерта: „Я не критикую здесь Либерта извне с точки зрения диалектического материализма,—писал Юриец,—а... имманентно развиваю собственные мысли Либерта и по-

казываю, что они в своем развитии дают обратное тому, чего он добивался сам"¹. Критик как бы становится на позиции противника и развивает их, добиваясь обычно приведения их к абсурду.

Надо сказать, что и Ленин не отбрасывает этого способа опровержения врага. Только диалектический материализм имеет настолько последовательную внутреннюю логику, и это потому, что он правильно отражает объективный мир, что его не сразит никакая внешняя или имманентная критика. Между тем любая идеалистическая или метафизическая философская система, тем более такая эпигонская и крохоборческая, как махизм, имеет в своей внутренней логике такие „точки непоследовательности“, которые должны быть вскрыты и которые, будучи вскрыты и развиты, доведены до конца, могут обнаружить общую несостоятельность данной философской системы. Надо использовать все слабые стороны врага для того, чтобы по ним бить. Ленин дает блестящие образцы такой логической критики махизма, показывая, как махизм „доводит до абсурда субъективный идеализм“, как он „без вопиющих логических нелепостей“ не может выпутаться из солипсизма. „Выходит, что при помощи комплекса ощущений я (а я тоже не что иное, как комплекс ощущений) ощущаю комплексы ощущений. Прелесть что за философия!“²—воскликает Ленин, разоблачая получающуюся у Маха логическую нелепость. Такой же логической критике Ленин подвергает непоследовательное для махистского субъективного идеализма допущение независимых от человека „физических элементов“. Если вы исходите из того, что все существующее есть ощущение, то вы никак не можете, „не разрушая всех своих основных посылок, всей „своей“ философии“³, не допуская логического противоречия, притти к тому, что независимо от сознания существует физическое, говорит Ленин. Также ставит махистам другой, „особенно ядовитый“ вопрос Ленин: существовала ли природа до человека, или есть ли ощущение—функция мозга, или же мысль существует без мозга? Вывод Ленина: „Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму“⁴.

Ленин однако не делал логическую критику единственно истинным путем опровержения противника. Для Ленина это только один из подсобных путей.

Ленин подчеркивает, что вовсе не имманентно-логическая критика является действительным путем опровержения идеализма. Ленин указывает, что Дидро вплотную подошел к взгляду современного материализма, считая, „что недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что не в теоретических аргументах тут дело“⁵.

Ленин сам проводил и требовал единства логического и классового, исторического подхода к критике противника. Между тем

меньшевиствующие идеалисты поступали иначе. Послушайте например Карева. Он вслед за Гегелем *внешнюю* критику философского учения объявляет догматизмом и резонерством. „Истинное опровержение того или другого положения заключается в том, чтобы вскрыть его *внутреннюю* логику, взять его принцип и развить этот принцип до конца“,—говорит Карев. Именно таким путем по Кареву устанавливается истинная историческая ограниченность критикуемого положения¹.

Это превращение имманентно-логической критики в основу помимо того, что оно является у Карева гегельянством, в значительной мере связано с *плехановской* традицией историко-философской критики. Критика неокантианства и махизма ведется Плехановым всецело имманентно-логическим путем. Имманентно-логический метод философской критики у Плеханова широко разработан и представлен во всех его типических чертах.

В „Materialismus militans“ Плеханов дает характеристику своих методов критики неокантианцев. Кант признавал существование вещи в себе, указывает Плеханов, но в то же время допускал логическое противоречие с самим собой, будучи склонен признавать вещь в себе чем-то нематериальным, т. е. непознаваемым: „Я обнаруживал непоследовательность Канта и указывал его ученикам на логическую необходимость высказаться за один из двух непримиримых элементов того противоречия, выхода из которого так и не нашел их учитель“². Плехановым выражена здесь *суть* его методов философской критики неокантианцев и махистов.

Для Плеханова важно прежде всего отыскать во взглядах противника исходное логическое противоречие. Таким противоречием во взглядах неокантианцев было признание вещи в себе наряду с утверждением о ее непознаваемости. Такое противоречие во взглядах махистов Плеханов находит между махистским отрицанием объективного мира и тем контрабандным признанием его, которое допускают махисты, пытаясь выкарабкаться из солипсизма. В этом отношении характерна статья Плеханова о Петцольде, где Плеханов основное противоречие махизма излагает в форме двух противоречащих друг другу тезисов³.

Вся сила дальнейшей критики Плеханова обращается на это противоречие, деликом сосредоточивается вокруг него. С величайшим логическим мастерством и остроумием Плеханов расширяет, углубляет это основное противоречие, показывая, как оно приводит к новым противоречиям и абсурдам: к признанию реальности „дедушки“ домового; к утверждению, что люди до появления земного шара как бы висели в воздухе; что дети в те первобытные времена, когда еще не возникли, по Богданову, абстрактные время и пространство, а другого не было, были как бы бесплотными ангелами, существующими вне времени и пространства; что те „высказывания“ людей, из которых, по Богданову, возникли время и прост-

¹ *Критицизм*. Философско-социологические очерки, стр. 159.

² *Ленин*, т. XIII, стр. 36.

³ *Тал эге*, стр. 51.

⁴ *Тал эге*, стр. 76.

⁵ *Тал эге*, стр. 28.

¹ См. Бюллетень ЗКО НКП № 3, 1930 г., стр. 41.

² *Плеханов*, т. XVII, стр. 24.

³ См. *тал эге*, стр. 100—134.

ранство, до возникновения последних происходили вне времени и пространства; что физический мир на той ступени развития, когда организмы существовали лишь в форме амебы, как бы не существовал, поскольку не было „высказываний“, из которых он возник; что низшие животные до появления человека с его высказываниями были нематериальны, ибо материя также есть результат высказываний и т. д. Местами, демонстрируя нелепиды, к которым приводит махизм, Плеханов виртуозничает в своей логической эквилибристике. Он играет, как кошка с мышкой, противником. Возьмите например плехановскую критику учения Богданова о времени. Плеханов шипит: „Мы приходим, значит, к тому выводу, что было время, когда времени не было. Это как-то странно. Повидимому я употребляю неправильную терминологию, от которой так трудно отделаться нам, профанам, в „эмпириомонизме“. Нельзя сказать: было время, когда времени не было. Нельзя—по той очевидной причине, что когда времени не было, то не было и времени. Это—одна из тех истин, открытие которых делает величайшую честь человеческому уму. Но подобные истины ослепляют, как молния, а ослепленному человеку не трудно запутаться в терминах. Буду выражаться и мыслить иначе, отвлекаясь от времени: нет социально-организованного опыта, нет и времени. Что же есть? Есть люди, из опыта которых „развивается“ время. Очень хорошо. Но если время „развивается“, то стало быть оно и разовьется. А это значит, что будет время, когда время будет. Тут я опять невольно перешел к старой терминологии. Но что же делать, г. Богданов, если я, как видно, совсем не способен мыслить развитие вне времени“¹. Целиком в этом духе сформулированы Плехановым те пять „мучительных“ вопросов, которые он задает Богданову; резюмируя в них все содержание логических нелепостей махизма². Столь же остроумно и логически изощрена игра Плеханова с тезисом и анти-тезисом Петцольда³. И т. д.

Плеханов одну за другой открывает нелепости в махизме, составляя „список смертных грехов против логики“ у махистов. Общий вывод Плеханова гласит: махизм запутался в безысходных логических противоречиях. Плеханов неустанно повторяет это свое обвинение против махистов.

Следующий этап плехановской критики—разбор тех ухищрений, при помощи которых махисты пытаются вылезти из солипсизма. Эти ухищрения сводятся к незаконной для субъективного идеализма апелляции Маха к существованию других людей. „Но какое логическое право имеет он признавать существование „тех или иных“ особей? В этом весь вопрос. И на этот коренной вопрос Вы, несмотря на свое многословие, не даете ровно никакого ответа“⁴,—говорит Плеханов по адресу Богданова. Таков коренной вопрос плехановской критики махизма. Десятки раз подчеркивает Плеханов

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 73.

² См. там же, стр. 83.

³ См. там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 80.

отсутствие этого самого логического права у махистов признавать других людей. Признавая их, махисты нарушают правило логики, которая „имеет свои права“¹. Их ошибка перед логикой заключается в *petitio principii*. „Вы рассматриваете общение людей как заранее данный момент, как своего рода „a priori“. Но вопрос в том и заключается: имеете ли Вы логическое право на это? Я отрицаю это право, а Вы, вместо того чтобы обосновать его, повторяете, как доказанное, именно то, что подлежит доказательству. Такая ошибка называется в логике *petitio principii*. Согласитесь же, милостивый государь, что *petitio principii* не может служить опорой для какого бы то ни было философского учения“².

Деборин, который в своем „Введении в философию“ повторяет плехановские имманентно-логические методы критики махизма, также апеллирует к логическому праву. „Законы логики обязательны и для „демократов“ и для „социал-демократов“,—говорит он (271). Ход мыслей махистов Деборин располагает в форме силлогизма: мир есть явление; человек—часть мира; ergo, человек не есть явление. „В заключении (*conclusio*) отрицается таким образом то, что утверждается в большой посылке (*propositio maior*)“ (272). Основной вывод Деборина тот, что махизм „взрывает сам свое построение так сказать изнутри“ (270). Здесь Дебориным выражена основная цель и основной итог всей имманентно-логической критики махизма как у Деборина, так и у Плеханова.

Блестящая логическая критика махизма, данная Плехановым, несомненно очень способствовала разгрому русских махистов. Однако исключительно логический характер этой критики упрощал задачу. Победа над махизмом путем его внутреннего логического „самовзрыва“ отменяла необходимость анализировать классовые, естественно-научные, историко-философские корни и тенденции махизма, т. е. отменяла необходимость проделывать ту громадную работу, которую не смог совершить Плеханов и которая оказалась по-плечу только Ленину. Исключительно логический характер критики способствовал ее чрезвычайной узости у Плеханова. Плеханов сам признавал это, жалуясь: „Я не только скучал сам, но вынужден был нагонять скуку на читателя“³.

Ленинский анализ историко-философских корней махизма идет по трем линиям. Ленин последовательно демонстрирует перед читателем: 1) философских предшественников махизма, 2) его современных философских соратников и союзников, 3) его учеников и преемников, развивших дальше заложенные в учении тенденции.

Русские махисты всячески рекламировали учение Маха как новейшую высшую философию, превзошедшую все предшествующее развитие философии, включая и диалектический материализм. Устанавливая подлинных философских предшественников и учителей Маха, Ленин показывает, что махизм на самом деле представляет собой

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 47.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 36; см. также стр. 23 и 98.

понятное движение, регресс к давно отвергнутым и притом самым реакционным философским учениям прошлого.

Останавливаясь на философском развитии Маха и Авенариуса до создания ими своей „школы“, Ленин указывает, что оба они вышли из лагеря кантианцев. Начав с Канта, оба они пошли не вперед к материализму, а в обратную сторону—к субъективному идеализму епископа Беркли и агностицизму Юма. Они пошли по линии реакционной критики Канта справа, т. е. стали устранять материалистический момент учения Канта, его вещь в себе. В этой борьбе против материализма махисты, говорит Ленин, не привели „ни одного, буквально ни единого довода, которого бы не было у епископа Беркли“¹, и вся их критика материи есть „буквально повторение Беркли“, „сплошной плагиат у Беркли“². Таким же плагиатом у Беркли являются махистские „комплексы ощущений“, скопированные с „комбинаций ощущений“ Беркли. „Новейший“ эмпириосимволизм П. Юшкевича является заимствованием символизма Беркли в учении о причинности. „Коллективное сознание“ Богданова воспроизводит учение Беркли о коллективном восприятии как критерий реальности. И т. д. Субъективный идеалист епископ Беркли есть подлинный родоначальник и автор учения Маха и Авенариуса. Махизм в своей основе есть берклеанский субъективный идеализм.

Однако философские классики были последовательны, творцы же новейших буржуазно-философских систем со своим мелким и пошлым идеализмом являются эклектиками, ущемителями блох. Субъективный идеализм Маха так же непоследователен и сбивчив, как и вся его философия, говорит Ленин. Махисты иногда вместо резкой берклеанской постановки вопроса о том, что внешний мир есть мое ощущение, становятся на почву юмистского устранения вопроса о том, скрывается ли что за моими ощущениями. Получается полуберклеанство, полуюмизм. Юм—другой родоначальник махизма.

Отойдя от Канта, махисты сохранили в своей эклектической философии многочисленные следы кантианства. В учении о принципе экономии мышления, отчасти в учении о причинности (у Петцольда), в учении о пространстве и времени махисты прибегают к априоризму Канта. Ленин одобряет выражение Вундта о Махе как о „Канте нанзанку“: „У Канта априори и опыт. У Маха—опыт и априори, ибо принцип экономии мышления по сути дела является у Маха априористическим“³,—приводит Ленин слова Вундта.

Ленинский анализ историко-философских корней махизма является неистощимым источником для разработки историко-философских проблем. Ленинская характеристика Беркли, Юма и различных видов агностицизма (юмистского и кантианского), дуализма Канта, метафизического материализма, гегелевского объективного идеализма и т. д.—все это является подлинным развитием, движением вперед марксистской истории философии. Вместе с тем ленинский разбор

¹ Ленин, т. XIII, стр. 30.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 141.

прошлых философских учений является образцом партийного подхода к истории философии, образцом актуализации ее изучения.

* * *

Одной из характернейших черт ленинской критики махизма является широкая постановка Лениным вопроса о махизме как 1) о целом идейном течении, 2) о живом, находящемся в развитии учении, 3) об учении, которому свойственна некоторая общая идейная тенденция, проявляющаяся в махизме как течении и в его развитии у учеников Маха и Авенариуса.

Ленина гораздо меньше интересуют специфические различия каждого из махистских философов, чем то, что обще им всем как представителям одного идейного течения. Отдельные махисты могут питать вполне похвальные личные намерения. Богданов например питает отвращение к религии. Но в целом махизму свойственна тенденция к защите и оправданию фидеизма, и богостроительство Луначарского есть „не исключение, а порождение эмпириокритицизма“¹. Благие намерения каждого махистского Карпа, Петра, Сидора останутся в лучшем случае их субъективным делом, но их защита махизма сослужит свою службу религии и реакции.

Для Ленина далее важно установить взгляды не только самих махистов, но и их друзей, союзников, попутчиков, словом всех тех неприкрытых реакционеров в философии, вроде Уорда, неокритицистов, имманентов, русского черносотенного философа Лопатина, прагматистов и пр., которые подхватывают и умело используют идеалистические писания махистов для прямой и открытой службы мистике и реакции. Опять-таки для Ленина существенны не узкие намерения махистской школки, но то, кому эта школка служит и кем используется, потому что „школка служит, кому надо. Школкой пользуются, как надо“². Ленин раскрывает, что в этом использовании школки раскрывается подлинная идейная тенденция школки. Это справедливо для махизма так же, как и для всех тех школок (бухаринская, деборинская и др.), которые в тот или другой период существовали у нас. Эти школки использовались кондратьевщиной, меньшевиками-интервентами, троцкистами, и в этом раскрывалась их подлинная идейная и классовая суть. Среди всех философских реакционеров, поддерживающих и использующих махистов, Ленин выделяет имманентов. Последние—„самые отъявленные реакционеры, прямые проповедники фидеизма, цельные в своем мракобесии люди“³. Имманент Шуппе защищает бога и „будущую жизнь“ и выступает против отделения церкви от государства. Имманент Леклер рекомендует свою философию как удовлетворяющую всем требованиям религиозно настроенного ума. Имманент Шуберт-Зольдерн откровенно признает себя защитником солипсизма. С этой публичкой Мах и Авенариус „все время выступают под ручку“⁴.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 282.

² Там же.

³ Там же, стр. 174.

⁴ Там же, стр. 178.

Имманентам посвящают свои книги махисты. Имманенты лучше других поняли, выразили и использовали действительные тенденции махизма. Поэтому и в „Заключении“ Ленин пишет: „Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму все более определенно, в тесном единении с одной из самых реакционных идеалистических школ, т.-наз. имманентами“¹.

Для Ленина наконец важно установить, куда, в какую сторону развивают махизм ученики и последователи Маха. „Эмпириокритицизм, как всякое идейное течение, есть вещь живая, растущая, развивающаяся, и факт роста его в том или ином направлении лучше, чем длинные рассуждения, поможет разрешить основной вопрос о настоящей сути этой философии“²,—говорит Ленин. В разделе „Куда растет эмпириокритицизм“ Ленин на учениках Маха показывает, как важно судить о философах не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают, а по тому, чему они учат и чему научили своих учеников. Ученик Маха Корнелиус, урядник на профессорской кафедре, громит материализм за то, что тот не оставляет места для свободы воли, бессмертия души и божеского начала. Махист Клейнштертер откровенно защищает свободу воли. Махист Карус, подчеркивающий, что он мыслит одинаково с Махом, утверждает, что наука есть божественное откровение, что девиз махизма—религия как настроение. Во исполнение этого девиза Карус проповедует „новую теологию“, настаивающую на том, что бог раскрывает себя в естествознании так же, как и в истории. Ученик Маха и Авенариуса Луначарский договорился до „обожествления высших человеческих потенций“ и „религиозного атеизма“. Махизм растет в болото поповщины—такова его тенденция, как она проявилась у учеников Маха.

Плеханов в своих работах бегло, но правильно указывает на Беркли и Юма как на предшественников махизма. Деборин, „Введение в философию“ которого целиком построено на выведении одной философской системы из другой, также показывает историческую связь махизма с Беркли и Юмом. Но чего нет в анализе историко-философских предпосылок махизма как у Деборина, так и у Плеханова, так это той широкой картины махизма как течения, как развивающегося учения с определенной *идейной тенденцией*, которую дает Ленин. Плеханов дает индивидуальные портреты махистов: самого Маха, Богданова, Петцольдта, Луначарского. Плеханов в силу исключительно имманентно-логического характера своей критики махизма слишком углубляется в частности и детали логического строя мыслей каждого отдельного философа в ущерб установлению связи между ними, в ущерб общей картине. Ленин же, давая индивидуальный портрет каждого махиста, не задерживаясь на нем, сразу переходит к общей связи между отдельными махистами, ко всему течению в целом и дает широкую картину махизма.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 291.

² Там же, стр. 178.

* * *

Третья, важнейшая сторона ленинской критики махизма—это установление связи махизма с „новейшей революцией в естествознании“, с кризисом современной физики.

Ленин квалифицирует естественно-научные позиции махизма как физический идеализм. Махисты кричат об „исчезновении“ и „дематериализации“ материи, сочиняют теории о нематериальном движении, отрицают объективность физического пространства и времени, объективной причинной связи, всю физическую картину мира объявляют не отражением объективной истины, но субъективно-идеалистической конструкцией. „Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности“,—говорит Ленин. Всеми современному естествознанию и физике в том числе свойственен „материалистический основной дух“. Махизм представляет собой лишь „одну школу естествоиспытателей в одной отрасли естествознания“. В вопросе об объективной реальности „отходит эта школа от господствующего, по общему признанию, среди физиков материализма...“,—отходит как школа „физического“ идеализма“¹.

Ленин указывает на две основные причины, породившие эту школу физического идеализма. Первая причина коренится в современной физике. „Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки“²,—говорит Ленин. Крупнейшие успехи современной физики привели к крушению старой механистической ньютоновской физики. Старая физика, покоившаяся на классической механике Ньютона, строящая „реальное здание из реальных материалов и реального цемента“³, представляла себе материю в виде маленьких частиц инертного вещества, в виде механической массы, новейшая же физика обнаружила электро-динамическую природу материи, при которой механическая масса электрона оказывается равной нулю. Старая физика считала абсолютными такие свойства материи, как непроницаемость, инерция, масса, новейшая же физика доказала их относительность, доказала, что они присущи только некоторым состояниям материи, что атом изменчив, разрушим, неисчерпаем. Старая механическая физика знала только одну форму движения—механическую, она была снимком с медленных реальных движений; новейшая же физика, являющаяся снимком с гигантски быстрых реальных электромагнитических движений, ограничила механические законы движения одной только областью явлений природы, подчинив их более глубоким законам электромагнитных явлений. Старая физика приводила все свои исследования к последним трем понятиям—материя, электричество, эфир, новейшая же физика оставила только два последние, сведя материю к электричеству и объяснив атом как подобие бесконечно малой солнечной системы. Старая меха-

¹ Ленин, т. XIII, стр. 248.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 211.

ническая физика знала одну „механическую“ картину мира, новейшая же физика показала неизмеримо более сложную электромагнитную картину мира.

Величайший триумф современного естествознания Ленин видит в том, что оно, опровергая односторонности старого механистико-материалистического мировоззрения, господствовавшего в физике, вплотную подошло к усвоению и восприятию диалектико-материалистического мировоззрения. Триумф современного естествознания означает и триумф диалектического материализма. Диалектический материализм всегда различал философское и физическое определение материи и, отстаивая абсолютность гносеологического определения материи как объективной реальности, настаивал на изменчивости наших представлений о физической структуре материи. Опровержение „неизменных“ свойств материи старой физики вполне отвечает существу диалектического материализма, так как признание каких-либо „неизменных“ свойств физической материи „не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм“¹.

Признание сложной структуры атома также отвечает сути диалектического материализма, настаивающего на том, что природа бесконечна, неисчерпаема. Открытие сложных электромагнитных форм движения, ограничивающих механическое движение более узкими рамками, также подтверждает диалектический материализм. „Все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма“², — говорит Ленин. Это — одна сторона дела. И другая — все это свидетельствует о том, что „современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм“³.

Роды диалектического материализма современным естествознанием происходят болезненно. Вся обстановка, в которой живут современные естествоиспытатели, отталкивает их от Маркса и Энгельса. К диалектическому материализму, к которому их приводит современная физика, они идут не прямо, не сознательно, а зигзагами, стигийно, ощушь, шатаясь, иногда даже задом. Незнание физиками диалектики и *релятивизм*, который с особенной силой навязывается им в период крутой ломки старых теорий и который при незнании диалектики неминуемо ведет к идеализму, — такова другая причина, породившая в части современных физиков идеалистические шатания, „физический идеализм“, „эмпириокритицизм“⁴.

* * *

В статье „К вопросу о диалектике“ Ленин говорит о том, что философский идеализм есть *только* чепуха с точки зрения вульгарного материализма, с точки же зрения диалектического материализма он, хотя и есть пустоцвет, тем не менее имеет глубокие корни в самом познании, имеет *гносеологические* корни. Ленинский анализ

¹ Ленин, т. XIII, стр. 214.

² Там же.

³ Там же, стр. 256.

⁴ Там же, стр. 252.

новейшей революции в естествознании вскрывает корни махистского идеализма. Ленин устанавливает, что они вытекают „из некоторых общих причин, *лежащих вне философии*“. Махистская идеалистическая философия выросла как болезненный нарост на здоровом дереве современной, материалистической в своей основе, *физики*.

То, что Ленин находит гносеологические истоки махизма *не внутри него, а вне*, в прогрессе физики, важно в том отношении, что опровергает ссылки меньшевистствующих идеалистов на Ленина в оправдание имманентно-логической критики махизма. Вопреки Ленину Карев например доказывает, притом ссылаясь на „К вопросу о диалектике“, что предшествующую философию надо критиковать „не просто чисто логически *извне*“, но путем вскрытия и развития до логического конца ее внутренней логики, т. е. имманентно-логическим путем¹.

На деле именно имманентно-логическая критика, когда она делается единственной, приводит к отмене критики гносеологических корней идеализма, тем более к отказу от раскрытия классовых корней данного течения. Именно Плеханов в своей логической критике махизма приходит к тому, что махизм — логическая *чепуха*, и только. Поэтому Ленин считал плехановскую критику неокантианства, отчасти махизма, более вульгарно-материалистической, а не диалектико-материалистической.

Величайшим недостатком плехановской критики махизма как раз и является то, что Плеханов игнорирует связь махизма с современным естествознанием, не видит и не понимает этой связи. Плеханов не замечает физического идеализма. Он пишет: „*Не-материалистическое естествознание невозможно*“². Современное естествознание для Плеханова всецело материалистично. Поэтому если Ленин выводит причины появления махизма из кризиса современной физики, то Плеханов, наоборот, пишет, что „в атмосфере современного естествознания ему и совсем дышать невозможно“³, что „естествознание тут не при чем, м. г., *не в нем путь сила*“⁴. Общая концепция Плеханова сводится к тому, что в „груди Маха живут две души“⁵: как естествоиспытатель Мах всецело материалист, а как философ — идеалист. Естественно-научный материализм служит ему для того, чтобы заглушевать и подкрашивать философский идеализм. Таков смысл генерального определения Плехановым махизма: „*Махизм есть лишь берклеизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания“ XX века*“⁶.

„Плеханов молчит об этом „новом течении“, *не знает* его. Деборин *неясно* его представляет“⁷, — так оценивает Ленин отношение

¹ Бюллетень ЗКО ИРП № 3 за 1930 г., стр. 41.

² Плеханов, т. XVII, стр. 57.

³ Там же, стр. 59—60.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ „Ленинский сборник“ XII, стр. 357.

к физическому идеализму Плеханова и Деборина. Деборин во „Введении в философию“ не доходит до установления того положения, что это „новое течение“ дает гносеологические истоки махизма.

Новейшее естествознание дало массу материала для диалектико-материалистических обобщений. Плеханов, следуя букве Энгельса и жертвуя методом Энгельса, жертвуя духом диалектического материализма, игнорировал этот материал, не сделал этих обобщений. Их сделал Ленин. „Не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что „материализму придается принимать новый вид с каждым новым великим открытием“. Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге „Материализм и эмпириокритицизм“¹.

Философия есть идеология и ее корни, в конечном счете, лежат в классовой борьбе. Классовый анализ философского учения—основа основ марксистского подхода к философии. Он ведется Лениным в двух направлениях. Во-первых, Лениным вскрывается действительная, соответствующая объективному существу махизма, его классовая природа. Классовый анализ углубляется Лениным до показа фракции, класса и партии, адекватной махистской философии. В этом заключается ленинское углубленное понимание классовости всякой философии. „За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества“²,—говорит Ленин. Во-вторых, Лениным дается махизму марксистская, большевистская, партийная оценка. Марксистский объективизм включает в себя момент партийности, и Ленин, установивши объективную классовую природу махизма, бичует его со всей страстью революционера, партийного бойца и вождя. Говоря о Марксе и Энгельсе, Ленин указывает, что они были „от начала и до конца партийными в философии“, что они шли вперед „по резко определенному философскому пути“, что у них есть „неизменный основной мотив: настаивание на материализме и презрительные насмешки по адресу „всяких отступлений к идеализму“. За это буржуазные профессора обвиняли Маркса и Энгельса в „узости“ и „односторонности“. Ленин видит в этом заслугу Маркса и Энгельса и сам проявляет такую же „узость“, воздавая по заслугам современным философским реакционерам. Не зря последние говорят о „невероятно узком партийном характере“ ленинского „Материализма и эмпириокритицизма“³.

Объективная классовая природа махистов прощупывается Лениным через раскрытие их отношений к религии, затем из отношений к

современному естествознанию и через анализ их социологических взглядов.

„Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это действительное классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма“¹,—говорит Ленин. Махисты занимаются укрывательством своих действительных отношений к идеализму и религии. Мах хвастает своей беспартийностью. Его излюбленная идея—нейтральность по отношению к идеализму и религии. „Через все писания всех махистов красной нитью проходит тупоумная претензия „подняться выше“ материализма и идеализма“²,—говорит Ленин. Ленин подчеркивает, что Мах и в действительности является путанником, вращающимся между двумя философскими лагерями, что он занимает позицию гнусной середины. Однако Ленин вскрывает действительное существо и тенденцию этой позиции махизма. Ленин клеймит ее как примиренческое „шарлатанство“, поскольку она на деле служит службу реакции, идеализму, поповщине, поскольку сама „нейтральность“ махистов есть уже лакейство перед фидеизмом, поскольку „объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам“³. Эту объективную классовую роль Ленин показал на тех выводах, которые из учения Маха сделали его союзники и ученики, оказавшиеся прямыми защитниками теологии. Ленин демонстрирует ее и при критике отдельных философских положений махистов. Критику их Ленин всюду доводит до утверждения, что махисты приходят к поповщине, „спивают народ религиозным опиумом“. Раз махисты отрицают материю—значит они уже потеряли оружие против фидеизма. Махисты погрязли в фидеизме с того самого момента, как взяли „ощущение“ не в качестве образа внешнего мира, но как особый „элемент“⁴. Учение Авенариуса о принципиальной координации, приводящее к возможности мыслить потенциальный центральный член по отношению к прошлой среде, т. е. после смерти человека, есть мистика, прямое преддверие фидеизма. Своим отрицанием объективной истины махизм принимает основную посылку поповщины. Субъективная линия махистов в вопросе о причинности—разжиженный фидеизм. Идеалистический взгляд Маха на пространство раскрывает настежь дверь фидеизму. Махистское учение о психическом как первоначальном по отношению к физическому есть чистейшая философия поповщины, потому что психическое, творящее природу, есть то, что по-русски называется богом. И т. д.

Позицию махизма по отношению к естествознанию Ленин расценивает на основе таких фактов, как отказ махистов от естественнонаучного материализма и переход их на позицию физического идеализма и как ту травлю, которую развернули махисты против сторонников естественнонаучного материализма. „Философия естествоис-

¹ Ленин, т. XIII, стр. 280.

² Там же, стр. 279.

³ Там же, стр. 292.

⁴ Там же, стр. 282.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 17.

² Ленин, т. XIII, стр. 292.

³ См. Б. Яковско, Очерки русской философии, стр. 107, Берлин, 1922 г.

пытателя Маха относится к естествознанию, как поделуй христианина Иуды относился к Христу. Мах точно так же предает естествознание фидеизму, переходя по существу дела на сторону философского идеализма¹,—такова партийная позиция махизма по отношению к естествознанию в оценке Ленина. Еще ярче эта позиция вскрывается на отношении махистов к сторонникам естественно-научного материализма. Махист „Рудольф Вилли в 1905 году воюет, как с живым врагом, с Демокритом, великолепно иллюстрируя этим партийность философии и обнаруживая паки и паки свою настоящую позицию в этой партийной борьбе“². Махисты развернули бешеную травлю против естественно-научного материализма Э. Геккеля. Он—материалист, ату его, ату материалиста, неистовствовали махисты вместе с прочими реакционерами. „Отречение Маха от естественно-исторического материализма есть во всех отношениях реакционное явление: мы видели это достаточно наглядно, говоря о борьбе „физических идеалистов“ с большинством естественников, остающихся на точке зрения старой философии“³, т. е. естественно-исторического материализма, говорит Ленин.

Реакционные потуги махистов в социологии неразрывно связаны с их реакционной гносеологией. И в социологии махисты пытаются соблюсти видимость беспартийности, подняться выше коренных и непримиримых крайностей социализма и буржуазного либерализма. „Ни социализм, ни либерализм“⁴,—провозглашает махист Блей. В то же время и Блей, и Петдольдт, и сам Мах выступают против социализма, с порога отвергают марксизм. Богданов, выдающий свое отождествление общественного бытия и общественного сознания за подлинный марксизм, на деле служит службу реакции. Его „развитие“ Маркса на деле ничем существенным не отличается от опровержения Маркса идеалистом Шубергом-Зольдерном. „Одним словом, то же самое и в гносеологии, и в социологии, то же реакционное содержание за такой же крикливой вывеской“⁵,—заканчивает Ленин.

Ленин называет Маха идеологом реакционного мещанства. Махизм—идеология реакционного мещанства. Эта партийная квалификация и вместе с тем оценка Лениным махизма как нельзя лучше характеризует тупоумно-мещанскую претензию махизма подняться выше двух борющихся философских лагерей, занять позицию видимой нейтральности и беспартийности, крикливые разговоры о „новейшей“ философии и „гносеологическом социализме“ Маха, попытки соединить Маха с Марксом. И в то же время на деле—повторение задов давно опровергнутой буржуазной философии Беркли, реакционная защита философского, физического, социологического идеализма, реакционные попытки сочинить „новую религию“, реакционная борьба с материализмом и идеализмом. Реакционное мещанство—

¹ Ленин, т. XIII, стр. 284.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 284.

⁴ Там же, стр. 260.

⁵ Там же, стр. 263.

классовая категория, по преимуществу мелкобуржуазная. „Левизна“ на словах и повторение реакционно-буржуазных задов на деле—это специфическая мелкобуржуазная, мещанская черта. Правильность ленинской оценки целиком подтверждалась ролью махизма в России эпохи реакции, где махисты, защищая идеализм и проповедуя богостроительство, старались присоединиться к рабочему движению. Подтверждается она также классовой позицией современных западно-европейских махистов вроде Франка, совмещающей защиту махистского идеализма и критику ленинского „Материализма и эмпириокритицизма“ с „левой“ фразой и „умеренными“ симпатиями в СССР к политике.

Этим однако не исчерпывается ленинская характеристика классовых корней махизма. Махизм—буржуазная идеология и философия потому, что таково его происхождение (от Беркли и Юма), и потому, что объективная классовая роль махизма сводится к прислужничеству буржуазии и буржуазной реакции. Мах, идеолог реакционного мещанства, идет за откровенным реакционным Шуппе, используется им, „пленится“ им. Реакционное мещанство, находящееся на услужении политических и философских черносотенцев,—вот классовое определение махизма.

Махисты—реакционные философы. Махизм—сплошная реакция по всей линии, реакционный отброс реакционных общественных классов. Ленинская оценка махизма последовательна, непримирима, цельна. Никаких поблажек махизму, несмотря на всю его „левую“ фразу, с порога долой все основы их философии, беспощадная борьба философской партии материализма против противостоящей ему враждебной партии идеализма—такова ленинская постановка вопроса.

* * *

Как ведут классовый анализ махизма Плеханов, Деборин, Аксельрод?

„Всякий класс, добившийся господства, естественно склоняется к самодовольству“¹,—пишет Плеханов. Самодовольство буржуазии, господствующей в обществе, основанном на ожесточенной конкуренции товаропроизводителей, заключается в полном отказе от всякого альтруизма, в нравственном солисизме и индивидуализме. На этой почве возникают философские системы, которые не признают ничего, кроме „субъективных переживаний“ и которые приходят к теоретическому солисизму. Махизм—философия буржуазного индивидуалиста и сверхчеловека. Естествоиспытатель Мах и желающий быть марксистом Богданов „приспособляются“ к этой философии.

Классовая оценка махизма у Плеханова отличается от ленинской. Она слишком обща и не охватывает более глубокой специфической сущности махизма как философии реакционного мещанства. Деборин, как известно из его же предисловия к 3-му изданию „Введения в философию“, вообще отказывается от анализа классовых корней

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 20.

махизма: это потребовало бы, считает он, обширного труда в несколько томов, „мы вряд ли скоро справились бы с этим делом“ и т. д. Впрочем в статье „Махизм и марксизм“ Деборин в духе Плеханова говорит об индивидуалистическом радикализме, субъективизме, иллюзионизме и нигилизме.

В классовой оценке махизма со стороны Плеханова и его учеников есть еще одна особенность, вытекающая из меньшевистского использования ими философских разногласий для фракционной борьбы с большевиками. „Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму“¹, — говорит Ленин. В этом использовании махизма против большевиков Плеханов и его ученики допускали вопиющую вулгаризацию и извращение марксистского анализа классовых корней философии, помимо того, что они меньшевистски извращали классовую суть и махизма и большевизма.

В ту же пору махистского поветрия махистом Шулятиковым была выпущена книга „Оправдание капитализма в западноевропейской философии“ (1909 г.). В своей книге Шулятиков отождествление протяжения материи с протяженностью у Декарта объясняет тем, что капитализм разрушает замкнутость ремесленного производства и создает широкие массы, свободно привлекаемые и отталкиваемые предприятием (32). Гегелевское внутреннее саморазвитие Шулятиков выводит из процесса дифференцирования мануфактур, выделяющих из себя новые мануфактуры (99). Лишение материи всяких качеств и замену ее духом у Авенариуса Шулятиков выводит из того, что современный капитализм „эластичен“, и ему безразлично, работают ли на данной фабрике Ивановы, Павлы или Яковы (144). Ошибка Шулятикова заключалась в том, что он как последователь Богданова шел по линии отождествления общественного бытия и общественного сознания, не понимая кроме этого, что связь между философской идеологией и экономическим базисом существует не непосредственная, а опосредствованная рядом промежуточных звеньев, в частности такими, более близкими к экономическому базису идеологиями, как естествознание, наука вообще. Только „в последнем счете“ экономическое основание обуславливает собою философскую идеологию. Ленин к анализу классовых корней махизма подходит через установление отношений махизма к религии, естествознанию, социологии и через анализ всей общественной тенденции махизма в целом как течения. Плеханов в борьбе с махистами очень удачно критиковал Шулятикова, говоря о том, что у Шулятикова философы „норовят в карман“ и что историко-философская методология Шулятикова отличается суздальской дубоватостью.

Это не помешало Плеханову, а вслед за ним Деборину и Аксельроду использовать историко-философскую методологию Шулятикова в борьбе против большевиков и с такой же „суздальской дубоватостью“ приписывать большевикам махизм, как... специфически меньшевистскую философию. В 6-м примечании к „Фейербаху“ Энгельса

Плеханов например ложно приписывает большевикам идею захвата власти пролетариатом в буржуазной революции, усматривает в этом возрождение „народовольского“ отрыва „политики“ от борьбы за социализм и весь этот вымысел приписывает Ленину и „окружающим его нищезанцам и махистам“. Деборин в махистском „индивидуалистическом радикализме“, субъективизме, иллюзионизме, нигилизме и пр. усматривает типические черты большевистской тактики и стратегии и в статье в „Голосе социал-демократа“ доказывает, что „наши махообразные марксисты—сознательные большевики, „осмысливающие“ практику и тактику последних. Большевистские же тактики и практики—бессознательные махисты и идеалисты“.

Но дальше всех в использовании шулятиковских методов в деле приписывания махизма большевикам пошла Л. И. Аксельрод. В статье „Два течения“, помещенной в выпущенном в 1909 г. меньшевистском сборнике „На рубеже“, Аксельрод пытается доказать связь большевизма с махизмом путем обстоятельного философского „анализа“ тактики большевиков. „Связь между большевизмом и махизмом бросается в глаза и с вулгарно-эмпирической или, выражаясь термином эмпириокритиков, с чисто описательной точки зрения“, — утверждает Аксельрод (260). Эмпириокритицизм, говорит она, для большевиков „не секретный предмет, а метод мышления, которым обуславливаются и приемы их практической деятельности“. Для эмпириокритицизма, развивает мысль Аксельрод, характерно отрицание действия на историческом расстоянии, отождествление условия и обусловленного, растворение причины в действии, их полное и абсолютное отождествление, совпадение во времени. „Эта именно мертвая, неподвижная метафизическая догма, — пишет Аксельрод, — составляет основу метода мышления большевизма, с точки зрения которого осуществление программы-минимум должно было совпасть во времени с условиями, которыми определяется это осуществление“ (265). Из чего это вытекает, откуда это видно? С философским „глубокомыслием“ Аксельрод подвергает фальсифицирующей критике ленинское учение о стихийности и сознательности в „Что делать?“. Большевики, доказывает Аксельрод, якобы по-народнически противопоставляют героев толпе, впадают в субъективный произвол, авантюризм, романтику и даже „возбуждение инстинктов“, когда, вместо того чтобы заняться меньшевистским „развитием революционного сознания“, призывают культурно незрелый пролетариат к „единовременному осуществлению программы-минимум во всем ее целом“. „Промежуток времени между причиной и следствием, т. е. процесс развития событий и роста сознаний—короче, действия на историческом расстоянии—отвергались большевизмом по формуле причинности эмпириокритической философии“, — заключает Аксельрод.

Что Аксельрод по-меньшевистски ставит здесь вопрос о необходимости отложить революцию до тех пор, пока рабочий класс не накопит культурности, т. е. говорит то, о чем потом в „Записках о революции“ писал Суханов,—это ясно. Что Аксельрод по-меньшевистски ставит здесь вопрос о необходимости „вооружать рабочих сознанием необходимости борьбы“—лозунг, который в революции

¹ Ленин, т. XIII, стр. 290. Примечание.

1905 г. меньшевики противопоставляли большевистскому призыву к действительному вооружению рабочих,—это также ясно. Ясно и то, что именно Ленину, в частности ленинской работе „Что делать?“, принадлежит заслуга правильной марксистской постановки вопроса о соотношении стихийности и сознательности. Аксельрод обрушивается в разбираемой статье на ленинское положение о том, что социалистическое сознание вносится в рабочую среду извне (261). Она видит в нем „дуализм“, возрождение народнического учения о роли интеллигенции. Она целиком стоит здесь за меньшевистскую стихийность рабочего движения и стихийность развития революционного сознания пролетариата. Между тем критикуемое ею ленинское положение зовет к ускорению роста революционного сознания пролетариата, роста, которому, вопреки клеветам меньшевиков, громадное значение придает большевизм. Это ясно.

Ясно, что в отношении историко-философской методологии писания Аксельрод представляют наиболее яркий образец фракционной, меньшевистской шулятиковщины. В действительности махизм, мы выше об этом говорили, был учением, сослужившим большую службу международному меньшевизму.

* * *

Заслугой Плеханова в его борьбе с махизмом следует признать то, что он не только квалифицировал махизм как *реакционное* учение, но и категорически выступал против безразличного отношения Каутского к вопросу о возможности соединения марксизма и махизма. Однако то, что Плеханов не заметил физического идеализма Маха и счел Маха как естествоиспытателя всецело материалистом, было большой уступкой махизму. Ленин также указывает, что Мах в своих естественно-научных работах часто вынужден становиться на позиции материализма. Но для Ленина эта непоследовательность Маха отнюдь не отменяет идеалистической основы физических воззрений Маха.

Линию уступок махизму развивает в своих статьях о махизме Л. Аксельрод. Ее критика махизма во многом прямо противостоит ленинским установкам. Особенно сильно линия уступок махизму выражена у Л. Аксельрод в ее статье „Эрнст Мах как философ“, помещенной в меньшевистском журнале „Дело“ (№ 3 за 1916 г.). Однако она не менее заметна и в тех статьях Л. Аксельрод, которые сейчас переиздаются новым изданием.

Аксельрод согласна с тем, что махизм в общем представляет собой ренессанс берклезма и юмизма. „Но рядом с ренессансом берклезма и юмизма наш автор грешил и материализмом“,—говорит Аксельрод. Ленин также говорил о том, что Мах „грешит материализмом“ там, где он жульнически выворачивается из солипсизма. В чем же видит материализм Маха Л. Аксельрод?

Мы видели выше, что у Ленина нет иной оценки отношения махизма к религии, кроме как провозглашения их лакеями фидеизма и защитниками поповщины. Аксельрод в „Деле“ пишет: „Материалистическое направление мысли сказывается в его (Маха.—Е. С.) сме-

лой, решительной борьбе—борьбе без обиняков и без компромиссов—против религиозных представлений“. В сборнике „Против идеализма“ (Соцэкгиз, 1933 г.) Аксельрод считает нужным сказать об Авенариусе, что „основоположник эмпирио-критицизма был сознательным атеистом и не вступал ни в какие компромиссы с господствующей религиозной философией“ (стр. 186). Ленин же пишет, что Авенариус вплотную подходит к фидеизму, что его теория принципиальной координации есть мистика и „прямое преддверие фидеизма“¹.

Аксельрод пишет: „В связи с критикой религии Мах восстает—и опять—таки самым беспощадным образом—против всех родов идеалистического эмпиризма и сверхъестественного миропорядка“². Ленин же указывает махистов в том, что они возрождают, вопреки основным эмпирическим посылкам своей философии, априоризм в учении о принципе экономии мышления, в учении о причинности и других случаях.

Ленин клеймит Маха за последовательно проведенный разрыв теории и практики. „Это именно такой вымученный профессорский идеализм, когда критерий практики, отделяющей для всех и каждого иллюзию от действительности, выносится Э. Махом за пределы науки, за пределы теории познания“³,—пишет Ленин. Аксельрод констатирует, что Мах разрывает научную практику и философскую теорию, но считает, что в философской теории Мах осуществляет единство теории и практики. Она пишет, что Мах „объединяет теорию и практику в нечто целое. Между теорией и практикой нет принципиального различия, ибо каждый шаг целесообразной практической деятельности есть в то же время звено в теоретическом обобщении и, наоборот, каждое научное обобщение служит могучим орудием на поле битвы практической жизни“⁴.

Ленин квалифицирует как откровенный идеализм и поповщину учение махизма о неразрывной связи физического и психического, согласно которому физическое оказывается тем же психическим.

Точно так же Ленин квалифицирует и учение Авенариуса об интроспекции, отрывающей мысль от мозга, защищающей „безмозглую философию“. Аксельрод же пишет: „К материалистическому уклону мысли следует без сомнения отнести его (Маха.—Е. С.) всецело материалистическую психологию“⁵.

Ленин доказывает, что принципиальная координация Авенариуса есть защита бессмертия души, что сам Мах защищает бессмертие души, рекомендует книгу Г. Корнелиуса как своего ученика, тогда как в этой книге Г. Корнелиус откровенно защищает бога и бессмертия. Аксельрод же приходит к согласию с махистом Богдановым в том, что в философии Маха нет места для бога и бессмертия, когда к „материалистическому уклону мысли“ Маха относит

¹ Ленин, т. XIII, стр. 62.

² „Дело“, стр. 27.

³ Ленин, т. XIII, стр. 113.

⁴ „Дело“, стр. 24.

⁵ „Дело“, стр. 28. См. также статью „Против идеализма“, стр. 207.

„разрушительную критику субстанциональности, следовательно бессмертия души“¹.

Ленин категорически возражает против того, что махизм есть наивный реализм. Наивный реализм по Ленину—это та стихийно-материалистическая точка зрения, которая принимается большинством человечества, сущность которой состоит в том, что вещи, среда, мир принимаются как существующие независимо от нашего ощущения, а познание признается их отражением. „Наивное“ убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания“²,—говорит Ленин. Махисты же под флагом наивного реализма в учении об элементах протаскивают защиту идеалистического положения о первичности психического, субъекта, ощущений. Ленин считает „софизмом самого дешёвенького свойства“ ссылку махистов на свой наивный реализм. В рецензии на „Материализм и эмпириокритицизм“ Аксельрод утверждает, что Ленин якобы обнаруживает „полное непонимание сущности наивного реализма“. Исходя из теории иероглифов и считая ощущения человека принципиально непохожими на порождающие их объективные процессы, Аксельрод махистскую теорию объективных элементов—ощущений, вопреки Ленину и в согласии с самими махистами, признает наивным реализмом. „Эмпириокритики являлись таким образом настоящими наивными реалистами“³,—говорит в рецензии Аксельрод. „Эмпириокритицизм все-таки является полным возвратом к наивному реализму“,—говорит Аксельрод в переиздаваемой в 1933 г. книге „Против идеализма“ (стр. 196).

Разбирая социологические взгляды махистов, Ленин самым жесточайшим образом осуждает махистское приращивание биологически-энергетических этикеток к социальным явлениям. „Перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть фраза“⁴,—говорит Ленин. Социология Богданова есть „искажение исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью“,—утверждает Ленин. Аксельрод же в соответствии с общим механистическим характером своих философских взглядов видит здесь у Маха нечто весьма положительное, прогрессивное⁵.

Ленин клеймит тупоумную претензию махистов подняться выше материализма и идеализма, квалифицирует их крикливые заявления о том, что они якобы изобрели совершенно новую философию, как „ущемление блох“, как пустое сочинение новых ничтожных философских „измов“. Аксельрод же пишет: „Эмпириокритическая метафизика действительно является в некотором роде новой разновидностью, и потому утверждение последователей чистого опыта, что исповедуемое ими мировоззрение отличается и от идеализма и от материализма, не лишено основания“⁶.

¹ „Дело“, стр. 23.

² Ленин, т. XIII, стр. 56.

³ Там же, стр. 331.

⁴ Там же, стр. 269.

⁵ „Дело“, стр. 27.

⁶ Аксельрод, Против идеализма, стр. 208, 1933 г.

Для Ленина махизм—идеализм. Аксельрод же изобрела для махизма новую кличку: „субъективный материализм“, который она впрочем в новом издании книги „Против идеализма“ сняла.

В своей окончательной классовой оценке Маха и Авенариуса Ленин судит о них по их философским, естественно-научным и социологическим взглядам, как они выражены у них самих и во всем махистском течении. Для Ленина Мах и Авенариус—реакционеры. Аксельрод отделяет личности этих философов от всего махистского течения. Махистское течение она правильно квалифицирует как реакционное и мешанское течение. О личности же Маха она пишет: „Все эти черты философского творчества, опирающиеся на положительную науку, ставят Э. Маха в особое, исключительное положение среди западноевропейских буржуазных мыслителей последнего периода, мышление которых сильно окрашено в реакционный теологический цвет. В произведениях же Маха чувствуется благородная личность, передовой человек и большой демократ“¹. Мах не защитник фидеизма, Мах не реакционер, махизм—прогрессивное явление. Вот вывод Аксельрод.

Эта оценка Маха и махизма, разумеется, резко расходится с ленинской, прямо противостоит ей. Эту оценку иначе, как оппортунистической, примиренческой, назвать нельзя.

Следует отметить, что деборинская критика махизма, страдающая всеми недостатками, какие присущи ему как философскому писателю, страдает также рядом уступок махизму. Приведем здесь следующий пример. Ленин расценивает махизм как метафизическую, враждебную диалектике философию. Махисты „в силу незнания диалектики, через релятивизм“² скатились к идеализму, говорит Ленин. Махисты подменяют диалектику релятивизмом. Деборин этот релятивизм махистов квалифицирует не как незнание диалектики и метафизики, но как неверное применение диалектики, как злоупотребление диалектикой. С его точки зрения махистам присуща идеалистическая диалектика, которую он называет „субъективной диалектикой“.

В конце концов, если сложить „субъективный материализм“ Аксельрод и „субъективную диалектику“ Деборина вместе, получится, что махизм есть нечто вроде „субъективного диалектического материализма“.

Вряд ли русские махисты, соединявшие Маха с Марксом, спорили бы против такой их оценки.

* * *

Интересно отметить ту реакцию, которой встретили махисты критику со стороны Ленина и Плеханова. Имеется довольно большое число махистских антикритик, направленных против Ленина и Плеханова. Сюда надо отнести: „Вера и наука“ Богданова (1910 г.), сборник статей „На два фронта“ В. Базарова (1910 г.), направленная против

¹ „Дело“, стр. 28.

² Ленин, т. XIII, стр. 291

Плеханова брошюра Богданова „Приключения одной философской школы“ (1908 г.) и книга Н. Валентинова „Философские построения марксизма“ (1908 г.). Против Ленина и Плеханова как критиков махизма направлена довольно-таки гнусная книжка П. Юшкевича „Столпы философской ортодоксии“ (1910 г.)

В своей критике махистов Плеханов защищал диалектический материализм, боролся в общем и целом с позиций диалектического материализма. Общеизвестное ленинское замечание—„Единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов“¹, может быть отнесено не только к плехановской критике народничества и неокантианства, но и махизма. Защита диалектического материализма Плехановым в эпоху, когда ревизионизм окончательно овладел II Интернационалом и когда Каутский не возражал против соединения Маркса с Махом, как мы уже указывали выше,—большая заслуга Плеханова.

Тем не менее в плехановской критике и неокантианства и махизма есть крупнейшие недостатки. Они идут, во-первых, по линии *методов* философской критики, применяемых Плехановым. Эти методы носят вульгарно-материалистический отпечаток, строят критику исключительно в логическом разрезе, не давая развернутого изложения диалектико-материалистической точки зрения, не давая анализа естественно-научных и классовых предпосылок махизма и неокантианства. На этих недостатках мы подробно останавливались выше.

В плехановской критике махизма есть и другой, более существенный недочет, идущий по линии *содержания* его собственных философских взглядов и соответственно его критики махизма. Речь идет прежде всего о *теории иероглифов* Плеханова. Вместо материалистической теории отражения, согласно которой ощущения, понятия и все человеческое познание есть копия, отражение или отображение объективного мира, Плеханов в критике неокантианцев, а вслед за этим и махистов, развивал теорию, согласно которой познание доставляет нам условные значки, символы или иероглифы вещей объективного мира. Вслед за этим Плеханов вместо материалистической точки зрения на соотношение явления и „вещи в себе“, согласно которой явление есть „для других бытие“ самой вещи, согласно которой нет никакой принципиальной разницы между явлением и „вещью в себе“, проводил между *явлением* и „*вещью в себе*“ некую принципиальную границу. Он истолковывал явление как содержание сознания и настаивал на том, что наши представления о вещах не похожи на эти вещи, приходил к утверждению чистой субъективности явления. Настаивая на субъективности содержания сознания, Плеханов приходил к субъективистскому истолкованию всего человеческого опыта в противовес материалистическому пониманию его как данному извне, объективному. Все эти философские ошибки Плеханова носят один общий отпечаток—они свидетельствуют о не-

¹ Ленин, т. XIV, стр. 133.

преодоленных Плехановым влияниях *агностицизма*, притом *кантианского типа*, поскольку признание вещи в себе совмещается с утверждением субъективности знания.

Все эти отступления Плеханова от диалектического материализма являются своеобразными уступками махизму. В философской, как и во всякой другой критике очень важно быть настолько последовательным, чтобы не дать противнику возможности, ухватившись за проявленную непоследовательность, отвести основной вопрос спора в сторону. Гарантию такой последовательности дает сама философия диалектического материализма—единственно до конца последовательная философия единственного до конца последовательно-революционного класса—пролетариата. Однако необходимо, чтобы она была строго последовательно проведена. Плеханов, строивший свою критику с махистами на *логической* полемике с ними, допускал двойную непоследовательность: 1) включал в свои взгляды струю кантианского агностицизма, в корне противоречащего диалектическому материализму, 2) включал в свои философские воззрения элементы именно кантианства, самого по себе полного несообразностей и противоречий.

Это была первая уступка Плеханова махистам. Полемика между диалектическими материалистами и махистами была жаркая, и махисты моментально ухватились за слабые места Плеханова. Осуществляя по отношению к кантианским ошибкам Плеханова критику справа, à la Пуришкевич, они отводили в сторону основной вопрос о реальности объективного мира, усердно прорабатывали Плеханова за его логическую непоследовательность.

Другая, более существенная уступка Плеханова махизму заключается в том, что по роду своих ошибок он как бы шел навстречу махизму. Ошибки Плеханов делал агностические, а агностицизм свойственен до некоторой степени и махизму. Возьмем например ту же теорию иероглифов Плеханова. Вполне понятно, что наиболее широкий отклик в махистских антикритиках против Ленина встретила ленинская теория отражения. Признавая ощущение и понятие точной копией вещей объективного мира, теория отражения утверждает материальность мира и зависимость от него познания. Она развивает пресловутый махистский „наивный реализм“, который объективирует чувственные „элементы“—ощущения в качестве „физического ряда“ и идеалистически подменяет ими материальные вещи. Она ребром ставит вопрос о признании или непризнании материального мира. Она логически последовательна и не дает в этом отношении никаких поводов махистам цепляться за посторонние делу вопросы. Махисты в своих антикритиках пытаются *спастись* от теории отражения. Путем софизмов они сначала пытаются отождествить ее с махистской точкой зрения. Богданов например признает ее тождественной своей теории всеобщей постановки¹. Юшкевич торжествует: „Итак учение о существовании вещей и их чувственно-осознательном виде, иначе говоря, наивный реализм, иначе говоря, махизм,

¹ См. Богданов, Вера и наука, стр. 173.

есть для г. Ильина материализм¹. Базаров утверждает: „Если г. Ильину угодно называть материей ту объективную реальность, или—что то же—те „элементы“ объективного мира, которые даны нам в ощущении, то против такого материализма как исходной точки не станет возражать ни один махист“².

Софизм, примененный в данном случае махистами, был очень элементарен—махисты подменяли материальную вещь в себе Ленина пресловутым „элементом“, который есть не что иное как ощущение. Софизм этот был разоблачен Лениным в „Материализме и эмпириокритицизме“, и попытка с его помощью подделаться под теорию отражения не могла быть принята всерьез. Слишком ясно было, что ничего общего между материалистической теорией отражения и „наивным реализмом“ Маха нет.

Махисты тогда всерьез начали доказывать преимущества плехановской теории иероглифов перед ленинской теорией отражения. „Иероглифические материалисты безусловно правы, когда утверждают, что между нашими ощущениями и движениями молекул, атомов, электронов существует только символическая связь“³,—говорит Базаров. Особенно веским аргументом в защиту теории иероглифов Базаров считает то, что общие понятия с его точки зрения всегда есть искусственные конструкции, орудия, упорядочения опыта, правила построения, символы, а не отражения. Естественно, что теорию символов поддерживает эмпиросимволист Юшкевич: „Здесь единственно возможное отношение—это отношение знака к означаемому, символа к символизируемому“⁴,—говорит Юшкевич.

Какой тактики по отношению к Плеханову придерживается в „Материализме и эмпириокритицизме“ Ленин? На первой же странице своей книги Ленин указывает, что махисты, делая вид, что они отвергают только материалиста Плеханова, на самом деле ведут борьбу против Энгельса и диалектического материализма. В дальнейшем изложении книги Ленин много раз настаивает на том, чтобы отделить вопрос о Плеханове от вопроса об Энгельсе, обо всем диалектическом материализме вообще, не смешивать эти два вопроса. „Для мыши сильнее кошки зверя нет. Для русских махистов сильнее Плеханова материалиста нет“⁵,—говорит Ленин. Махисты сами же возвеличивают Плеханова в единственного представителя материализма, топчутся вокруг него. Почему вы возитесь с Плехановым, не обращайтесь непосредственно к Энгельсу или даже к Фейербаху,—спрашивает Ленин у махистов. „Если это не верно, то человек, хоть чуточку уважающий марксизм, должен был показать эту ошибку Плеханова и считаться не с Плехановым, а с кем-либо другим, Марксом, Энгельсом, Фейербахом“⁶. Отделяя Плеханова от Энгельса, Ленин ведет защиту Плеханова от нападков махистов там, где Плеханов выражает

точку зрения Энгельса и где нападение на Плеханова является для махистов предлогом для нападения на Энгельса. Ленин например бьет Базарова за его возражения против признания Плехановым существования вещей в себе, всех махистов бьет за то, что они обвиняют Плеханова за его признание „вещи в себе“, считая это кантианизированием марксизма¹. Вместе с тем Ленин ведет развернутую критику всех ошибок Плеханова. Уже не раз справедливо отмечалось, что ленинский „Материализм и эмпириокритицизм“ одной своей стороной направлен против Плеханова. Ленин явно не согласен с плехановским определением сознания как „внутреннего состояния материи“ и предлагает другое—„мысль есть функция мозга“². Ленин ссылается при этом на Энгельса. Ленин вскользь отмечает ошибку Плеханова в его утверждении, что идеализм обязательно связан с формулой „нет объекта без субъекта“,—утверждение это правильное в отношении субъективного идеализма, не охватывает объективного идеализма. Ленин подчеркивает, что „абсолютный идеализм Гегеля мирится с существованием земли, природы, физического мира без человека, считая природу лишь „инобытием“ абсолютной идеи“³. Развивая учение диалектического материализма в отношении явления и „вещи в себе“, настаивая на том, что „решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может“, Ленин подвергает критике плехановскую позицию в этом вопросе. Она выразилась в проведении грани между явлением и „вещью в себе“, и Ленин опровергает это в связи с пропуском Плехановым слова „неуловимая“ „вещь в себе“ Канта в переводе „Л. Фейербаха“ Энгельса, затем в случае с неверным переводом Плехановым 2-го тезиса Маркса о Фейербахе и наконец в связи с заявлением Богданова о том, что у Энгельса и у Плеханова „вещь в себе“ принципиально отлична от явления. Отстраняя это обвинение Богдановым Энгельса, материалистов XVII века, Фейербаха и И. Дидгена, Ленин в последнем случае как бы оставляет открытым вопрос о Плеханове⁴. Ленин резко критикует несуразную фразу Плеханова, будто „вера“ в существование внешнего мира „есть неизбежное salto vitale“⁵ философии. Еще резче Ленин критикует путаницу Плеханова в определении опыта. Ленин дает развернутую критику теории иероглифов Плеханова как полуматериализм, как теорию, вносящую совершенно ненужный элемент агностицизма, некоего „недоверия к чувственности, к показаниям наших органов чувств“, как подвергающую некоторому сомнению существование внешних предметов, поскольку знаки или символы возможны и по отношению к мнимым предметам⁶.

Проведенная Лениным в его критике махизма крепко обоснованная и хорошо аргументированная точка зрения последовательного

¹ „Столпы“, стр. 59.

² „На два фронта“, стр. XXV.

³ Там же, стр. XXXIV.

⁴ „Столпы“, стр. 60.

⁵ Ленин, т. XIII, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 68.

¹ См. Ленин, т. XIII, стр. 162.

² Там же, стр. 71.

³ Там же, стр. 59, 68.

⁴ См. там же, стр. 82, 85, 99.

⁵ Там же, стр. 145.

⁶ См. там же, стр. 192.

диалектического материализма лишила махистов возможности изворачиваться, цепляясь за отдельные логические промахи и ошибки, как это они делали по отношению к Плеханову. В своих ответах Ленину махисты тягуче повторяют старые аргументы в защиту того, что „элемент“ не есть ощущение; что „элемент“ Маха есть ощущение не субъекта, как у Беркли, а „ничье“, и поэтому Мах—не субъективный идеалист; что Мах—наивный реалист; что нет объективной и абсолютной истины; что истина—организующая форма и т. д. Все аргументы в защиту этих махистских положений настолько были разгромлены Лениным, что никаких новых аргументов махисты больше не приводят. Они тягуче повторяют свои старые положения. В то же время они вопят о том, что Ленин проводит авторитарно-религиозный образ действий и мышления, строит марксизм на вере и принуждении, хочет задержать дальнейшее развитие марксизма, отличается нетерпимостью, „китаизмом“, партийной узостью, даже свирепостью.

Здесь в споре Ленина с махистами чувствуется совершенно четкая, резкая и радикальная размежевка большевистского и ревизионистско-идеалистического лагерей. Не выдерживая ленинского натиска, махисты вопят о необходимости отделения философии от политики и марксизма. Богданов предлагает снять голову и вонзить осиновый кол в сердце „абсолютному“, т. е. непримиримому, ортодоксальному, последовательному марксизму—такому, какой он встретил в ленинской критике махизма. Надо, кричит Юшкевич, „открыть доступ чужим идеям, усвоить все завоевания культуры, признать свободу мнений. Надо марксистскую теократию преобразовать в европейское государство, надо провести так сказать отделение церкви от государства, политику отделить от теории, программу от системы, партию от идеологии“. Стиснутым железными тисками—ленинским „Материализмом и эмпириокритицизмом“ махистам оставалось только лишь сознаться в своем антимарксизме. Это в конце концов и сделал Н. Юшкевич, признавший в статье „На тему дня“ свою философию не-пролетарской и не-марксистской.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
АДОРАТСКИЙ В. Материализм и эмпириокритицизм	6
КОЛЬМАН Э. Гениальное произведение большевистской философии	11
ДОСЕВ П. Вопросы теории отражения в «Материализме и эмпириокритицизме»	29
ЛУШПОЛ. Материализм и эмпириокритицизм и вопросы истории философии	71
СИТКОВСКИЙ Е. Ленин и Плеханов как критики махизма	91
✓ АДАМЯН Г. Материалистическое понимание истории в «Материализме и эмпириокритицизме»	121
ЕГОРШИН В. Ленин и современное естествознание	142
ПОЗНЕР В. Буржуазная философия о «Материализме и эмпириокритицизме»	168
РОЗАНОВ Я. Библиография	189